

FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO V OLOMOUCI

KATEDRA SLAVISTIKY

JAZYKOVÁ HRA V ŘEČI SOUČASNÝCH RUSKÝCH POLITIKŮ

LANGUAGE GAME IN THE SPEECH OF MODERN RUSSIAN POLITICIANS

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПОЛИТИКОВ**

Выpracovala: Anastassiya Zaitseva

Vedoucí: Mgr. Mariia Dobrova, Ph. D.

2024

Prohlašuji, že jsem práci vypracovala samostatně a uvedla všechny použité prameny a literaturu.

V Olomouci dne

_____ podpis

Děkuji Mgr. Marii Dobrové, Ph. D., za konzultace, rady a připomínky, které mi během psaní bakalářské práce poskytla.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	4
1.1. Политическая лингвистика как направление языкознания.....	4
1.1.1. Определение политической лингвистики.....	4
1.1.2. Функции и цели политической коммуникации.....	6
1.1.3. Аспекты исследования политической коммуникации	8
1.2. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЯВЛЕНИЕ	10
1.2.1. Языковая игра, её свойства, функции и цели.....	10
1.2.2. Способы создания языковой игры в речи и тексте	14
1.3. Языковая игра и политическая коммуникация: точки пересечения	17
1.3.1. Языковая игра как прагматическое средство политической коммуникации	17
1.3.2. Проблемы функционирования языковой игры в политическом дискурсе	19
2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЛАВА: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕЁ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ	22
2.1. Языковая игра на морфологическом и словообразовательном уровнях языка	22
2.2. Языковая игра на лексическом уровне языка	25
2.3. Языковая игра на фразеологическом уровне языка.....	28
2.4. Языковая игра на синтаксическом уровне языка	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	40
RESUMÉ.....	41
Использованная литература.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно речь политика представляется слушателю строгой, не терпящей языковых ошибок и отклонений. Тем не менее, в постсоветское время ситуация в российском политическом дискурсе изменилась, и политики с тех пор предпочитают не столько придерживаться грамматических и стилевых правил в речи, сколько сделать её более выразительной и яркой. Данное обстоятельство способствовало синтезу двух на первый взгляд несовместимых явлений — политической коммуникации и языковой игры — явления, допускающего обыгрывание правил языка, демонстрирующего его творческий потенциал, а также гибкость, синкретичность и полисемию его единиц.

Объектом исследования является языковая игра как явление и способы её проявления в речи и тексте.

Предметом исследования являются конкретно отношения языковой игры и политической коммуникации, их пересечение, и то, как именно языковая игра помогает политику воздействовать на адресата (слушателя).

Цель данного исследования заключается в выявлении эффектов, которые языковая игра оказывает на слушателя в рамках политической коммуникации. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: подробно описать политическую лингвистику как направление языкознания, привести важные для неё понятия, выявить её функции и цели, способы её изучения, а также объяснить такое явление как языковая игра, описать её свойства, функции, цели, способы её создания в речи и тексте, а так же обозначить её точки пересечения с политической лингвистикой.

В теоретической части приводятся основные данные о политической лингвистике как направлении языкознания, её целях, функциях, основных понятиях и способах её изучения, а также о языковой игре, её свойствах, целях, способах создания, её моментах пересечения с политической лингвистикой и возможных проблемах их совместного функционирования.

Практическая часть содержит анализ языковой игры на морфологическом, словообразовательном, лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях языка. В процессе исследования автором работы было проанализировано 324 примера проявления языковой игры в речи российских политиков. Были рассмотрены единицы языковой игры, использованные российскими политическими деятелями в 1991–2020 гг. Материал был отобран с помощью

методики сплошной выборки и контент-анализа с официальных сайтов политиков и политических партий, видеохостинга YouTube, личных страниц политиков в социальных сетях и т. д.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Политическая лингвистика как направление языкознания

1.1.1. Определение политической лингвистики

Политическая лингвистика представляет собой новую, активно развивающуюся гуманитарную науку, которая занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием [Будаев, Ворошилова, 2011, с. 5].

Предметом исследования политической лингвистики является **политическая коммуникация** — речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Чудинов, 2006, с. 6]. Иными словами, политическая коммуникация — это **процесс общения** между участниками политической деятельности [там же, с. 31]. Также политической коммуникацией называют смысловой аспект взаимодействия субъектов путём обмена информацией в процессе борьбы за власть или её осуществление [Кузьмина, 2011, с. 54]. С помощью политической коммуникации формируется общественное мнение как о государстве и его политике в целом, так и о партиях и их лидерах, в частности [Стибун, Стрельникова, Шурыгина, 2006, с. 219]. Политическая коммуникация в большей степени осуществляется как вертикальная нисходящая коммуникация. Инициатором сообщений, как правило, является лидер или политическая организация [Шарков, 2014, с. 154].

Понятия «политическая лингвистика» и «политическая коммуникация» схожи лишь на первый взгляд. Главная цель политической лингвистики — это исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества [Чудинов, 2006, с. 7], в то время как цель политической коммуникации заключается в вербальном воздействии на адресата. Подробнее функции, аспекты исследования, а также сами цели политической коммуникации описаны ниже.

Важным понятием политической лингвистики является **политический дискурс**. Считаясь частной дискурсивной разновидностью, политический дискурс как базовое понятие не получил в лингвистике однозначного определения [Суханов, 2018, с. 202]. Д. Никулина считает политический дискурс выражением целого комплекса отношений между индивидуумом и социумом, который таким образом оказывает влияние на создание у зрителей и слушателей картины мира и называет политическим дискурсом целый мир политики, который состоит из ораторских выступлений, посвященных политике, официальных текстов на политическую тематику — постановления, указы, научные статьи по политологии, газетные и публицистические материалы [Никулина, 2017, с. 148]. А. Чудинов выражает похожее мнение, утверждая, что в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создаётся и «живёт» данный текст [Чудинов, 2006, с. 41]. Изучив различные мнения учёных-лингвистов об указанном термине, можно сделать вывод, что под политическим дискурсом подразумевается текст либо ряд текстов, представленных в устном или письменном виде, компоненты которых связаны своей смысловой (политической) направленностью и нацелены на взаимодействие с адресатом.

Ценность политического дискурса для политической коммуникации заключается в том, что он является её особым языком — т. н. языком власти [Кузьмина, 2011, с. 54]. Здесь С. В. Кузьмина вспоминает слова Г. Лассвелла о том, что язык власти — это язык решений, он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это «боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения» [цит. по: Кузьмина, 2011, с. 54]. Политический дискурс характеризуется особым словарём, т. е. запасом относящихся к данной предметной области слов и выражений, смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений. Он представляет мир политики, обслуживает все сферы

политической жизни общества, его основная цель — оказать внимание на реципиентов. Благодаря политическому дискурсу происходит оборот политической информации, а без оборота политической информации невозможно движение политического процесса [Там же, с. 55].

1.1.2. Функции и цели политической коммуникации

Говоря о функциях политической коммуникации, следует перечислить функции самого языка, выявленные Р. Якобсоном и регулярно упоминаемые другими лингвистами в связи с политической коммуникацией. Так,

- 1) *когнитивная функция* способствует построению нужной личностной и групповой картины мира и формированию необходимого представления о происходящей в мире или в стране ситуации;
- 2) *коммуникативная функция* связана с передачей информации, позволяет политику «просеять» нужную ему информацию и призвана оказать воздействие на преобразование существующей в сознании адресата картины политического мира;
- 3) *побудительная функция* заключается в воздействии на адресата и побуждении граждан передать власть определённой партии (или политику), принять участие в митингах, демонстрациях и т. д.;
- 4) *эмотивная функция* нацелена на выражение эмоций автора и возбуждение эмоций адресата [Чудинов, 2006, с. 81–84]. Добиться этого можно с помощью создания нужного эмоционального фона, что является важным предварительным этапом для последующего манипулирования адресатом [Демьянова, 2019, с. 114];
- 5) *метаязыковая функция* направлена на объяснение смысла слова (например, нового для адресата политического термина) или высказывания [Чудинов, 2006, с. 85];
- 6) *фатическая функция* связана с установлением и поддержанием контакта с коммуникантами, а также на их подготовку к восприятию информации. Фатическая функция политической коммуникации (или, как её называет О. Спиридовский, фатическая коммуникация) телеологична (целенаправленна), ориентирована на построение коммуникационного процесса, с помощью которого адресат сможет «опознать» в дискурсе

адресанта собственные (или, по крайней мере, максимальные близкие к ним) ценности, пресуппозиции, ожидания и т.д. [Спиридовский, 2011, с. 116];

- 7) *эстетическая функция* ориентирована на внимание к форме общения, к тому, как выражена мысль. [Чудинов, 2006, с. 87]. Подходящее оформление мыслей также неразрывно связано с привлечением первостепенного внимания к самому сообщению [Демьянова, 2019, с. 114].

Согласно Р. Якобсону, вышеуказанные функции являются функциями языка в целом. Тем не менее, специфика конкретных сфер коммуникации (политической, бытовой, художественной и др.) определяется различной значимостью каждой из этих функций и особенностями их проявления (фатическая для бытовой, эстетическая для художественной и т. д.). Для политической лингвистики одинаково важны все вышеуказанные функции, поскольку они подчинены основной функции политической коммуникации — борьбе за политическую власть. С этой точки зрения язык воспринимается как средство для завоевания социальной власти и управления обществом [Чудинов, 2006, с. 81].

Говоря о **целях** политической коммуникации, стоит отметить, что в широком смысле политическая лингвистика как научное направление преследует цель исследовать многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создаёт условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности [Там же, с. 7].

Лингвисты смотрят на задачу речевого воздействия с разных сторон. По мнению О. Г. Почепцова, важно обращать внимание на реакцию со стороны адресата [Почепцов, 2001, с. 242]. В отличие от Г. Г. Почепцова, И. А. Стернин считает главным объектом исследования речевого воздействия именно эффективное общение и его практическое применение, подразумевающее выбор подходящей тактики вербального воздействия на адресата [Стернин, 2001, с. 6]. Речевая коммуникация вне зависимости от области преследует цель регулировать действия своего собеседника. Данные области отличаются лишь тем, что требуют разной степени интенсивности самого речевого воздействия и значимость его последствий [Иссерс, 2009, с. 20]. Политическая сфера предполагает очень высокий уровень речевого воздействия, поскольку человек отдаёт предпочтение

определённому политику, восприняв и оценив прежде всего содержание его сообщений для населения.

Отличные друг от друга точки зрения и методы изучения политической лингвистики и речевого воздействия приводят к одной цели — эффективному воздействию на деятельность человека или группы людей при помощи речи. Политик всегда имеет возможность выбрать стиль речевого воздействия, будь то тактика вербального воздействия на человека или работа с его реакцией на сообщение. Главное в данной задаче — осознание цели, заключающейся во влиянии на мнение адресата.

1.1.3. Аспекты исследования политической коммуникации

В современной лингвистике выделяется несколько аспектов изучения политической коммуникации. Э. Будаев и А. Чудинов утверждают, что специалисты выбирают тот или иной аспект изучения в зависимости от поставленных задач и имеющегося текстового материала:

- 1) **Изучение языковых, текстовых или дискурсивных феноменов.** К языковым феноменам относятся единицы, принадлежащие к тому или иному языковому уровню (лексика, фразеология, морфология, синтаксис). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии¹. Текстовыми феноменами являются текстовые единицы, позволяющие изучить жанровые особенности политических текстов, их композицию, средства связи между частями, текстовые средства акцентирования смыслов и т. п. Дискурсивными феноменами являются коммуникативные стратегии, тактики и роли политиков. В рамках данного направления анализируется коммуникативное поведение субъектов политической деятельности;
- 2) **Исследование современного политического языка — историческое изучение политического языка.** Данный аспект исследования позволяет проанализировать динамику метафорических систем и проследить, как

---

¹ Например, в 30-40-е годы XX века в политическом дискурсе конкретное существительное обязательно употреблялось с определением или обстоятельством, преобразуя «орнаментальные эпитеты», служившие целям агитации и поддержания внешнего декорума власти (родной, гениальный и т. д.) [Будаев, Чудинов, 2009, с. 133], в то время как в 50–80 годы XX века из-за политической обстановки были популяризированы политические метафоры «холодная война», «железный занавес» [Будаев, Ворошилова, 2011, с. 15].

эволюционирует система политических метафор в связи с изменением политической ситуации;

- 3) **Исследование общих закономерностей политической коммуникации – изучение идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий.** В рамках данного аспекта исследуются "речевые портреты" ведущих политиков в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох, взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения, воздействие метафор в речи политика на массовое сознание, а также сопоставление метафор в коммуникативной практике политиков из разных государств;
- 4) **Исследование институционального, медийного и иных разновидностей политического дискурса.** Данный подход предполагает изучение не только текстов, созданных собственно политиками (т. н. институциональных текстов), но и других, посвящённых политическим проблемам. К ним относятся тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата или сотрудников различных общественных организаций (инструкции, правила поведения для сотрудников, приказы и распоряжения), тексты, созданные гражданами страны, которые эпизодически участвуют в политической коммуникации (письма, обращения и т. д.), а также тексты, использующие элементы художественного повествования («политические детективы», «политическая поэзия» и т. д.).
- 5) **Сопоставительные и несопоставительные исследования.** Целью данных исследований является сопоставительный анализ политической коммуникации в различных государствах. Сопоставление политической коммуникации разных стран позволяет отчётливее дифференцировать «своеё» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только одному или другому национальному дискурсу. Сопоставительные исследования способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности [Будаев, Чудинов, 2006, с. 32].
- 6) **Политолого-социологический анализ** выделен Э. В. Будаевым как ещё одно направление анализа политической коммуникации. В данном случае политическая коммуникация анализируется не столько на анализе

собственно лингвистических явлений, сколько на пространных аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления [Будаев, 2020, с. 75].

- 7) И. Быков в своей монографии упоминает американских исследователей Г. Алмонда и Дж. Коулмана, теоретиков структурного функционализма, которые рассматривали политическую коммуникацию **как функцию политической системы**. Они аргументировали это тем, что функция политической коммуникации обеспечивает политическую систему входящей информацией в виде требований и поддержки, и именно успешное функционирование политической коммуникации позволяет чётко выделить остальные политические функции и обеспечить прозрачность всего политического процесса [Быков, 2013, с. 19].

1.2. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЯВЛЕНИЕ

1.2.1. Языковая игра, её свойства, функции и цели

Понятие «языковая игра» принадлежит **Л. Витгенштейну**, в 1930-е годы заявившему, что «реальность, воспринимаемая посредством языка, есть совокупность языковых игр» [Витгенштейн, 2010, с. 12]. По мнению Н. В. Данилевской, «языковая игра — это определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Данилевская, 2006, с. 657]. Санников утверждает, что языковая игра — это отступление от нормы, нечто необычное (даже, по Аристотелю, нечто безобразное) [Санников, 2002, с. 13]. И. Цикушева предлагает следующее определение: «Языковая игра — осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [Цикушева, 2009, с. 170].

Благодаря своему резкому отклонению от нормы языковая игра позволяет чётче определить её и отметить многие особенности языка, которые могли бы

остаться незамеченным [Санников, 2002, с. 13], высвобождает творческий потенциал языка, а также предоставляет говорящему эффективную возможность отрегулировать отношения с собеседником и продемонстрировать всем степень своей творческой свободы [Норман, 2006, с. 248].

Ценность языковой игры также заключается в том, что её сущность состоит в генерировании **дополнительных окказиональных смыслов**, апеллирующих к языковой выразительности и порождающих комический эффект [Цикушева, 2009, с. 170].

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что языковая игра представляет собой лингвистический процесс, заключающийся в намеренном отклонении от нормы с целью наделить речь говорящего особыми эстетическими и стилистическими признаками, а также дополнительным смыслом, что является плодородной почвой для лингвистического творчества, которое проявляется и в политической речи.

Языковая игра обладает рядом отличительных признаков, выделяющих её в тексте: 1) эффект, результат языковой игры **окказионален**, т. е. единичен; 2) языковая игра, или языковая шутка, обладает **смысловой и грамматической законченностью** в тексте. Она автономна, и её извлечение из текста не изменит смысл его содержания [Санников, 2002, с. 15]. О. Ю. Коновалова так же выявляет несколько свойств языковой игры:

- 1) **условность**, т. е. языковая игра является дублетом серьёзного, канонического использования языка опять же в пародийном, «ненастоящем» ключе;
- 2) **искусственность**, поскольку игровой компонент создаётся говорящим намеренно, искусственно;
- 3) **вторичность**, связанную с тем, что игровые компоненты всегда производны;
- 4) **ассоциативность**, т. е. игровой компонент высказывания аккумулирует в себе несколько значений одновременно, актуализируя работу эмоциональной и ассоциативной сфер сознания слушающего;

- 5) способность являться заместителем важной информации (**заместительность**), т.к. игровые компоненты вызывают интерес у слушателя благодаря своей внешней языковой аномалии, замещая новую информацию;
- 6) **акцентуальность**, проявляющуюся в способности игровых компонентов высказываний привлекать внимание слушающих;
- 7) **рематичность (актуальность)**;
- 8) **индивидуальность**, т. е. игровой компонент высказывания несёт на себе след авторской принадлежности, даже если он повторяется в речи разных людей;
- 9) **алогичность и семантическая опустошённость**, характерная для каламбуров и прецедентных высказываний [Коновалова, 2008, с. 61–66].

Языковая игра выполняет **множество функций в речи**, среди которых:

- 1) **функция снижения значимости** описываемого предмета или личности. Как утверждает Санников, снижение — более подходящее слово, чем дискредитация, поскольку языковая игра предполагает и доброжелательные подшучивания над знакомыми [Санников, 2002, с. 26]. Языковая игра служит средством «смягчения речи», она устраняет серьезность тона, ослабляя тем самым содержание сообщения [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 174];
- 2) **языкотворческая функция** способствует постоянному обогащению языка. Многие “продукты” языковой игры давно стали общеязыковыми благодаря своей краткости, и перестали восприниматься как неестественные. Такие точные выражения закрепляются в речи, тем самым выводя на новую ступень и национальное мышление;
- 3) **развлекательная функция и функция самоутверждения**. Развлекательная функция способна поднять настроение слушателю и помочь пережить кризисное время, высмеяв волнующие человека неприятности. Функция самоутверждения способна не только подбодрить говорящего, но и позволяет убедиться в безупречности своего интеллекта и чувства юмора;

- 4) **маскировочная функция** языковой игры представляется одной из самых важных, в особенности для политической лингвистики, поскольку она позволяет обойти общепринятые правила ведения диалога. С помощью данной функции можно поговорить на табуированные темы, минуя цензуру, менее резко высказаться о повседневных неприятностях или продемонстрировать своё отношение к оппоненту, не прибегая к прямой критике (например, используя ироничные выражения) [Санников, 2002, с. 26–29];
- 5) **людическая функция** упоминается несколькими исследователями, как функция языка в целом. Она связана с его способностью к порождению языковой игры и, как следствие, выражением в речи комических смыслов [Доброва, 2019, с. 195]. Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова относят игровую функцию языка к одному из частных видов поэтической функции, поскольку, «играя» с языком, говорящий обращает внимание на форму речи, а устремлённость на сообщение как таковое и есть характернейшая черта поэтической функции языка [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 173];
- 6) **функция восхваления и дискредитации** призвана сформировать позитивный образ говорящего и негативный - другой личности (оппонента) [Алексеев, 2018, с. 57].

Цели языковой игры достаточно разнообразны. О. Ю. Коновалова, исследуя языковую игру в современной русской речи, выделяет тринадцать целей языковой игры, к которым относятся цель начать речевое общение, вступить в уже существующий диалог, продлить речевой контакт, прекратить коммуникацию, сделать сообщение непонятным для кого-то из присутствующих, назвать явление или объект при отсутствии однословного обозначения в языке или в сознании говорящего, передать двусмысленную информацию, отвлечь внимание слушающего от нарушенных правил поведения, оценить явление или объект, продемонстрировать (проверить) способности в языковом творчестве, регламентировать речи собеседника, доставить и получить удовольствие, а также цель «досадить» слушающему [Коновалова, 2008, с. 72-90].

Б. Ю. Норман также указывает развлекательную цель языковой игры. По его мнению, она является главной целью языковой игры и заключается в желании говорящего проявить чувство юмора, развеселить окружающих. Также данная цель

предполагает своеобразную «награду», но не в материальном виде, а в эстетическом — человек, применив игру слов, «любуется» сказанным [Норман, 2006, с. 7]. Об этой же цели языковой игры вспоминают и Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова: «Она (языковая игра — прим. авт.) служит для того, чтобы вызвать улыбку, смех, создать шутливое настроение или ироническое отношение» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 174].

Ознакомившись с функциями и целями языковой игры, приведённых в данной подглаве, можно понять, что она призвана придавать комичность тексту, способствовать созданию новых полезных и точных выражений, а также смягчать речь, делая её понятнее и доступнее для большой аудитории.

1.2.2. Способы создания языковой игры в речи и тексте

Языковая игра представляет собой многогранное явление, и данный факт позволяет рассматривать её с разных сторон. Многие лингвисты, например, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, В. З. Санников, О. Ю. Коновалова, изучая языковую игру, выявили множество способов её создания.

Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова делят способы создания языковой игры на две группы: **балагурство**, не связанное с передачей содержания речи, уходящее корнями в явления народной смеховой культуры, когда смешно всё грубое, низкое, необычное, перевёрнутое («изнаночное»), и **острословие**, когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной, экспрессивной передачей содержания [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 175]. К т. н. балагурству относятся приём рифмовки, фонетические деформации слов, преобразование морфологической формы слова, приём речевой маски (изображение диалекта, иностранного акцента и т. д.). К острословию относятся такие приёмы как приём стиливого контраста (перемещения слова или выражения из одного стиля речи в другой), приём построения необычных языковых единиц (слов и словосочетаний), словообразовательная игра (индивидуальное словообразовательное преобразование узуальных слов, отсечение конечной части слова и т. д.), нарушение законов сочетаемости слов и т. д. [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 175-206].

Основываясь на исследованиях Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, О. Ю. Коновалова предлагает классификацию приёмов языковой игры, разделяющую их на **существующие и производимые языковые элементы**. В случае, если игровой статус придаётся существующему в готовом виде языковому элементу, можно применить так называемый **приём контраста**. Он заключается в использовании иностилевой лексики в современной русской разговорной речи как средства шутки. Комичный эффект достигается за счёт того, что слово контрастирует с контекстным окружением. К данным случаям относится устаревшая лексика на фоне современной, слова в литературном стиле, словосочетания и конструкции на фоне разговорных слов и конструкций, диалектные и просторечные слова, отчётливо осознаваемые носителями литературного языка как отступление от канона, а также иноязычная и заимствованная профессиональная лексика в русском словесном окружении. В случае, если игровой языковой элемент «производится», методов создания языковой игры в разговорной речи существует намного больше. К ним относятся **приём рифмовки**, заключающийся в повторении созвучных слов или их частей, в присоединении к части высказываний похожих по звуковому облику элементов, **фонетические деформации**, т. е. видоизменение привычного для говорящих и слушающих облика слова, **морфологические деформации**, т. е. изменение грамматических признаков слов и образование ненормативных (оказиональных, диалектных и просторечных) словоформ, **непрямые номинации**, заключающиеся в употреблении т. н. троп — метафоры, метонимии, сравнений, перифраз и т. д. [Коновалова, 2008, с. 50-61].

Классификация приёмов создания языковой игры В. Санникова имеет свои особенности. В своей монографии он распределяет виды языковой игры по уровням языка. Лингвист упоминает такие уровни как фонетический, морфологический, лексико-стилистический, графический, фонологический, орфографический, синтаксический, словообразовательный, семантический и прагматический.

Каламбуры являются особым видом языковой игры. В широком смысле каламбур представляет собой шутку, основанную на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов

(словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию [Санников, 2002, с. 490]. Разговорный каламбур может быть семантически не нагружен, а лишь отражает желание говорящего пошутить, поиграть с формой слова. Особенностью каламбуров можно считать их ориентированность преимущественно на слуховое восприятие слова, его произношение, в силу того что каламбурно сталкиваться могут и полные омонимы, и омоформы, и паронимы [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 206–207]. Тем не менее, каламбуры могут и повысить эффективность речевого воздействия, поскольку благодаря им выраженная мысль не просто выражается ярче, в более запоминающейся форме, но в ней также появляется дополнительный смысл [Иссерс, 2009, с. 115].

Несмотря на то, что языковая игра функционирует на разных языковых уровнях, в каждом из них она проявляется с разной частотностью. В. З. Санников объясняет это тем, что с точки зрения переосмысления следует различать системы «жесткие», «полужесткие», «нежесткие». Так, низшие языковые уровни (фонетика, фонология, морфология) в целом характеризуются большей «жесткостью» и гораздо реже используются в языковой игре, чем единицы словообразовательного, лексического и синтаксического уровней [Санников, 2009, с. 39].

В языковой игре участвуют и **фразеологизмы** — словосочетания, обладающие относительной устойчивостью, экспрессивностью, целостным значением и воспроизводящиеся в готовом виде [Мокиенко, 2005, с. 4]. Как считает В. М. Мокиенко, «практически любое варьирование, типовые или индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц можно считать языковой игрой — во всяком случае, закономерным ресурсом создания средств комического воздействия» [цит. по.: Доброва 2019, с. 197]. Вторичный, производный характер фразеологизма является источником для языковой игры и создания комического эффекта, поскольку значение фразеологизма не выводимо из значения составляющих его единиц, однако первичное значение компонентов остаётся во фразеологизме и может обыгрываться говорящими [Иссерс, 2009, с. 123–124]. Благодаря данному свойству они часто подвергаются различным трансформациям в речи.

Фразеологические обороты выполняют важную роль в речи говорящего, поскольку являются ярким стилистическим средством сделать речь сильной и

красочной, образной и убедительной [Шанский, 1957, с. 136], что требуется и политическим деятелям. Также фразеологизмы, или фразеологические единицы (ФЕ) являются неотъемлемым компонентом создания образности и выразительности в политической коммуникации, поскольку в них в готовом виде заключена информация о мировоззрении, миропонимании, национальных и культурных особенностях носителей языка [Рычева, 2019, с. 55].

Следует отметить такой вид проявления языковой игры как **интертекстуальность** — диалогические или полилогические отношения между текстами [Федотов, 2008, с. 244]. Интертекстуальность проявляется в использовании в речи **прецедентных текстов** – готовых цитат из книг, песен, фильмов, анекдотов и т. д. [Коновалова, 2008, с. 59]. Прецедентный текст, или цитата — это своего рода сигнал, вызывающий целый комплекс ассоциативных представлений. Языковая игра в данном случае строится на столкновении объёма информации, стоящего за определённой цитатой, и конкретной ситуации общения [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 205].

1.3. Языковая игра и политическая коммуникация: точки пересечения

1.3.1. Языковая игра как прагматическое средство политической коммуникации

На первый взгляд кажется, что языковая игра, допускающая отклонения в языковой системе, недопустима в политическом дискурсе, где существуют довольно строгие речевые ограничения. Тем не менее, исходя из анализа научной литературы, посвящённой политической лингвистике и языковой игре, становится ясно, что она встречается в современном политическом дискурсе намного чаще, чем предполагается.

Моменты, когда языковая игра и политическая коммуникация переплетаются между собой, можно отследить в методах речевого воздействия в области современной политической лингвистики.

Современный российский политический дискурс не только не требует соблюдения прежних жёстких языковых рамок, но и приветствует проявление языковой свободы и индивидуальности в речи политика, а потому популярными

методами воздействия в области современной политической коммуникации являются выразительные средства [Чудинов, 2006, с. 106], которые причисляются современными исследователями к видам языковой игры.

К выразительным средствам, например, относятся **стилистические фигуры и тропы**. К стилистическим фигурам относятся антитеза, инверсия, эллипсис, парцелляция, фонетический, лексический и морфологический повтор, синтаксический параллелизм, риторический вопрос и риторический диалог. Стилистические фигуры могут проявляться на фонетическом, морфемном или синтаксическом уровнях. Тропом называют необычное употребление слова, образное его использование, что делает речь более запоминающейся. К тропам относятся метафора, метонимия, олицетворение, символ, эпитет [Там же, с. 106–107]. Данные фигуры и тропы причисляются к **производимым игровым языковым элементам** [Коновалова, 2008, с. 54].

Интертекстуальность и интерстилевое тонирование текста так же является точкой пересечения языковой игры и политической коммуникации. Используемые в тексте прецедентные феномены делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводят новое событие в общеисторический и культурный контекст. Названные феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку [Чудинов, 2006, с. 115].

Языковая игра может благотворно отразиться на **имидже** политика. **Стратегия самопрезентации** является наиболее важной и эффективной стратегией для политика, заключающаяся в правильном построении своего **имиджа**, поскольку в политической сфере имидж обладает силой, приводящей в движение весь механизм [Там же, 2008, с. 197]. В широком смысле **имиджем** называют самоподачу, самопрезентацию [Иссерс, 2008, с. 194]. Г. Г. Почепцов называет имиджем знаковый заменитель, отражающий основные черты человека [Почепцов, 2009, с. 9]. Похожее определение предлагают и другие исследователи, указывая, что имидж — это обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности [Романова, 2009, с. 109].

Стратегия создания имиджа определяется рядом факторов, среди которых немаловажное значение имеет сфера общественной деятельности оратора [Иссерс, 2008, с. 197]. Президенту страны требуется проецировать на аудиторию имидж компетентного лидера, способного принимать сложные решения даже в самых трудных условиях. Его имидж должен мотивировать человека верить политику, чтобы не задумываясь пойти вслед за ним [Почепцов, 2009, с. 9].

Имидж складывается из многих составляющих: манер, внешности, поступков и, конечно, особенностей речи. С языковой точки зрения имидж политика зависит от выбранной им роли и соответствующей ей речевой маски. В основе каждой роли стоит т. н. «ярлык» — доминанта имиджа, определяющая и другие его составляющие (микророли).

Языковая игра может быть использована в речи с целью успешного моделирования имиджа. Она способна представить говорящего как грамотного человека, так как человек «неиграющий» не владеет нормами кодифицированного литературного языка или не владеет кодом разговорной речи. Также языковая игра демонстрирует близость говорящего к своей культуре, культуре, поскольку носит в себе этнокультурную информацию и является проявлением коллективного менталитета [Коновалова, 2008, с. 162].

1.3.2. Проблемы функционирования языковой игры в политическом дискурсе

Несмотря на то, что языковая игра выполняет множество полезных функций в речи, она также может стать источником многих трудностей.

Одна из проблем функционирования языковой игры непосредственно касается политического дискурса — она связана со строго регламентированным речевым поведением говорящего: «Играющий» политик (*politicus ludens*) не совсем свободен в выборе языковых средств, — институциональный дискурс задает параметры приемлемого поведения, игнорировать которые невозможно» [Алексеев, 2018, с. 57]. А. Б. Алексеев уточняет, что коллектива, где речевая деятельность бы не контролировалась, не существует. Тем не менее, строгость данных правил варьируется для каждой социальной группы и класса. Многие правила не регламентированы вовсе, и всё же они невидимо присутствуют в

сознании говорящих и нарушаются лишь в исключительных случаях, “на свой страх и риск” [Там же, с. 58].

Другую проблему затрагивают Е. Руденко и Р. Бачиева. Согласно их исследованию, проблемой языковой игры является вопрос её перевода. Поиск путей совершенствования стратегий перевода языковой игры продиктован необходимостью адекватного отражения в переводе индивидуально-авторской картины мира, поскольку уникальная комбинация языковых средств составляет существенный признак авторского стиля писателя, и особенно это касается случаев языковой игры [Руденко, Бачиева, 2020, с. 79]. Авторы данной статьи говорят преимущественно о переводе художественных текстов, однако их утверждения актуальны и для политического дискурса, поскольку применение языковой игры формирует и речевой портрет политика.

Ещё одну неочевидную на первый взгляд проблему выделяет В. Маслова. В своей статье она отмечает, что часто политики злоупотребляют языковой игрой в своей речи. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений и значений одних и тех же языковых знаков, свободная замена объективного субъективным и, наоборот; акцентирование синонимических и ассоциативных связей слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются политиками. Всё это может стать в речи политиков демагогическими злоупотреблениями [Маслова, 2008, с. 47].

Другую проблему языковой игры и речевой культуры в целом отследили О. и С. Косаренко на примере рекламных слоганов: по их мнению, проблемой являются всё чаще появляющиеся в речи жаргонизмы и их производные. Вкрапленные в слоган, они призваны помочь найти общий язык с потребителями, особенно с молодёжью. Проблема заключается в том, что жаргонизмы способны нивелировать серьёзность рекламного объявления. В данном случае языковая игра как перевод (кодирование) реального мира на язык слов представляет собой далеко не всегда удачный эксперимент, а её творческие результаты не всегда являются примерами «живой» русской речи, раскрывая потенциальные богатства языка [Косаренко, 2015, с. 202–205]. Поскольку в современном российском политическом

дискурсе жаргонизмы встречаются чаще, чем в советском, описанная проблема может касаться и его — политик, используя жаргонизмы в целях сблизиться со слушателем, рискует дискредитировать себя в его глазах.

2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЛАВА: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕЁ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

Автором бакалаврской работы было проанализировано **324** примера проявления языковой игры в речи российских политиков. Рассмотрены единицы языковой игры, использованные российскими политическими деятелями в 1991–2020 гг. Материал был отобран с помощью методики сплошной выборки и контент-анализа с официальных сайтов политиков и политических партий, видеохостинга YouTube, личных страниц политиков в социальных сетях и т. д.

Как было отмечено в теоретической части, языковая игра создаётся на разных языковых уровнях: морфологическом, словообразовательном, лексическом, фразеологическом и синтаксическом. Работа не содержит примеров языковой игры на фонетическом и графическом уровнях, поскольку они в выбранном материале не были обнаружены, вероятно, потому, что языковая игра, относящаяся к ним, более актуальна для маркетинга и рекламы. Анализ политического дискурса показал, что в разговорной речи политики используют не только виды языковой игры, на которые обратили внимание исследователи политической лингвистики². При этом указанные неочевидные виды языковой игры не теряют своего прагматического эффекта. Исходя из этого, будет уместным распределить их по уровням языка, выявленным В. З. Санниковым, поскольку им предложена подробная классификация языковой игры.

2.1. Языковая игра на морфологическом и словообразовательном уровнях языка

Морфологическая языковая игра предполагает различные грамматические деформации — например, изменение грамматических признаков слов и образование ненормативных словоформ [Коновалова, 2008, с. 53], а также допускает игру со статусом словоформы (её непроницаемостью, неусекаемостью и т. д.). Именно в политическом дискурсе языковая игра на морфологическом уровне встречается достаточно редко. Это можно объяснить тем, что изначально политик стремится выражать свои мысли в рамках грамматических правил и не считает выгодным для себя искажение грамматических норм в речи.

---

² Как, например, стилистические фигуры и тропы, которые так же могут относиться к разным уровням языка.

Ниже приведён пример **расширения парадигмы глагола, т. е. использование его в грамматической форме, ему не свойственной:**

«Нас они (коммунисты России — прим. авт.) боятся, нас они пытаются замолчать, мешают нам использовать телевидение и газеты³...» (Жириновский, 2015). В. Жириновский установил *каузативные отношения* в предложении, т. е. употребил глагол без прямого дополнения [Норман, 2006, с. 162]. Данный приём нацелен на то, чтобы добиться новизны выражения, шокировать слушателя и сделать акцент на смысле, который желает передать говорящий [Санников, 2002, с. 71].

Говоря о **словообразовательном** уровне языка, нужно отметить, что на данном уровне будут рассматриваться *окказионализмы* как результаты незуального, творческого словообразования [Санников, 2002, с. 143], а также будут показаны примеры образования мотивированных (производных) слов в политической речи.

Анализируя языковую игру на словообразовательном уровне, можно понять, что в рамках данного уровня она строится на взаимодействии слов внутри **словообразовательного гнезда** — *«совокупности слов с тождественным корнем, упорядоченного в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации»*, которые в свою очередь представляют собой **словообразовательную парадигму** — *«набор производных от одного базового слова, которые находятся на одной ступени производности»* [Нестерова, Фащанова, 2021, с. 36-37]. Иными словами, языковая игра в рамках словообразования строится на обыгрывании словообразовательной мотивации.

Стоит обратить внимание на случай создания **окказионального глагола, мотивированного именем собственным:**

«Более двух тысяч боевиков находятся на территории Сирии, выходцев из бывшего Советского Союза. Есть угроза, что они к нам вернутся. Так чем ждать, пока они к нам вернутся, лучше помочь Асаду бороться с ними там, на территории Сирии. Вот это самый главный побуждающий мотив, который подталкивает нас к тому, чтобы оказать Асаду содействие. Но в целом мы

---

³ Владимир Жириновский - Встреча с избирателями Краснодарского края (1999 г.). Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nLK9UVr2pQo>

*хотим, чтобы ситуация в регионе не сомализировалась*⁴» (Путин, 2015). **Словообразовательной базой** такой группы глаголов являются известные имена собственные, отождествляющиеся с особенностями его носителя или с определённой ситуацией [Лепоевич, 2020, с. 80]. Так, в вышеуказанном примере словообразовательной базой является имя собственное африканского государства Сомали, известного нестабильной политической ситуацией.

В политической речи политики часто обыгрывают значение различных слов при помощи **префиксов**. Как заметил и В. З. Санников, данный тип словообразования используется достаточно редко [Санников, 2002, с. 152]. Языковая игра в данном случае строится на смысле, который несут в себе отдельные префиксы вкпе с некоторыми глаголами:

*«Мы продолжаем **делать то**, что мы уже много **наделали**»* (Черномырдин, 2019, с. 6). В данном примере можно увидеть, как префикс, примыкающий к слову «делали», придаёт слову неодобрительную окраску, что и создаёт дополнительный смысл в предложении;

*«Нам нельзя **вступать**. Мы как начнём **вступать**, так обязательно на что-нибудь **наступим**»* (Черномырдин, 2019, с. 8). В данном примере значение префиксов так же подвергается обыгрыванию. Глагол «вступить» означает `вмешаться, ввязаться, принять участие в чём-нибудь` [Ушаков, 2014, с. 76], в то время как глагол «наступить» имеет *буквальный* смысл `придавить ногой кого-что-нибудь` [Ушаков, 2014, с. 343], причём чаще имеет негативный контекст. Переплетение прямого и переносного смыслов создают комический эффект в предложении.

Стоит указать и **словообразовательный окказионализм** в речи политиков — случай, когда политик «играл» со словом, добавляя к нему нехарактерные префиксы:

*«Мы только что с Виктором Николаевичем **дискутировали** (о борьбе с коррупцией — прим. авт.). Он считает, что **«недогибы**», что надо всех хватать и не пущать. Я полагаю, что никаких **перегибов** здесь нет⁵»* (Путин, 2013).

---

⁴ Полное интервью Владимира Путина для телеканалов CBS и PBS [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=U7RH7hmdyp4>

⁵ Прямая линия с Владимиром Путиным [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976>

Префиксально-суффиксальный способ используется для образования глаголов и существительных. Ниже следуют некоторые примеры окказионализмов:

«Что касается «разбюрокрачивания», закон позволяет это делать. Правительство должно еще принять какие-то там подзаконные акты, в том числе на местном уровне, но вы имеете право обращаться напрямую в бюро регистрации, а если будет отказано в этом, обращаться в суд⁶» (Путин, 2006);

*«Так называемая плоская шкала [налогообложения — прим. авт.] у нас существует уже давно. И я считаю, что она сыграла огромную роль в так называемом **обелении доходов**⁷»* (Медведев, 2016).

Ещё одним словообразовательным приёмом является **контаминация** — представленные в новообразовании два исходных слова, значения которых переплетаются в данном новообразовании [Санников, 2002, с. 164]. Примером может послужить цитата В. Черномырдина *«Россия со временем должна стать **еврочленом**»* (Черномырдин, 2019, с. 6), в котором отражен и каламбурный характер окказионализма.

«Наблюдая» над языковой игрой на уровне словообразования, можно сказать, что в данном случае она выполняет юридическую (игровую), а также развлекательную функции, поскольку она демонстрирует гибкость, возможности языка, а также делает речь более экспрессивной и менее тривиальной.

2.2. Языковая игра на лексическом уровне языка

Лексическая языковая игра часто строится на обыгрывании нескольких значений одной лексемы: «Во многих случаях языковая шутка заставляет нас внимательнее присмотреться к какому-то слову или выражению и обнаружить в нём что-то новое, чего говорящие (а в ряде случаев и специалисты-филологи) ранее в этом слове не замечали» [Санников, 2002, с. 184]. Таким образом, в данную группу языковых шуток входят и **каламбуры**, суть которых заключается в столкновении разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов [Коновалова, 2008, с. 58]:

---

⁶ Путин на линии - 2006 Стенограмма ответов президента РФ на вопросы граждан [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2006/10/25/putin/>

⁷ Интервью Дмитрия Медведева пяти телеканалам – 2016 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wIOcHgeFmio>

«Правительство — это не тот орган, который готов к любви»;
(Черномырдин, 2019, 6);

«Если делать — так по-большому!» (Черномырдин, 2019, с. 6). В данной цитате особенно ярко сталкиваются изначально предполагаемое автором позитивное (грандиозность поступков) и негативное значения слова, что и придаёт комизм предложению;

«Вас хоть на попу поставь или в другую позицию — всё равно толку нет»;
(Черномырдин, 2019, с. 7). В данном случае переплетаются прямое (положение тела) и переносное (синоним слова «должность») значения слова «позиция»;

«Но пенсионную реформу делать будем. Там есть, где разгуляться»
(Черномырдин 2019, с. 7). В данном примере комический эффект возникает из-за значения слова «разгуляться» `дать себе волю, действовать без ограничения` [Ожегов, 2011, с. 1605] именно в политическом контексте;

«Опыт последних пятидесяти лет окончательно подтвердил правоту Наполеона, сказавшего, что со штыками можно сделать многое, но на них нельзя сидеть» (Гайдар, 1995, с. 17).

Встречается в политическом дискурсе и обыгрывание или ошибочное употребление **паронимов**:

«Мы надеемся, что у нас не будет заповров на границе» (Черномырдин, 2019, с. 6). В. Черномырдин имел в виду **заторы** — задержки в движении из-за скопления движущихся людей, предметов [Ожегов, 2011, с. 531], но использовал слово, похожее по звучанию, но имеющее иное толкование. Комический эффект в данном случае возник и из-за отдалённо схожего смысла подобранного Черномырдиным слова.

Достаточно комичным предстаёт и использование слова, обладающего иным значением, ставшего в данном случае эвфемизмом, который повысил экспрессию предложения и при этом не поменял его смысл:

«Британские юристы и правовики так «упаковали» Дж. Ассанджа, что, боюсь, мы его теперь долго не увидим и не услышим⁸» (Захарова, 2019).

Следует указать и достаточно комичные случаи **игрового создания контекстуальных (ситуативных) антонимов**, когда противопоставляются слова

---

⁸ Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 17 июля 2019 года [электронный ресурс]. Режим доступа: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1466061/

с разным смыслом и с закреплённой антонимической парой, либо вовсе не имеющие таковой:

«В отношении представителей прессы я могу сказать так, как мы в свое время шутили, когда я работал в совершенно другой организации: их прислали подглядывать, а они подслушивают. Некрасиво⁹» (Путин, 2006);

«Хотели как лучше, а получилось как всегда» (Черномырдин, 2019, с. 6).

Нельзя не отметить, что вышеуказанные цитаты являются примерами того, как политики не используют популярные, известные способы украсить свою речь, а сами предстают авторами новых для слушателя выражений. Здесь проявляется языкотворческая функция языковой игры. С помощью языковой игры политики тоже обогащают язык, создавая новые, цитируемые слушателями, фраземы.

В политической речи был замечен и пример **нарушения лексической и семантической сочетаемости** — случая, когда слово было использовано в ином значении:

*«Я бы не стал увязывать эти вопросы так **перпендикулярно**»* (Черномырдин, 2019, с. 6);

*«Всё это так **прямолинейно и перпендикулярно**, что мне неприятно»* (Черномырдин, 2019, с. 7).

Был отследен и пример полного нарушения семантического согласования:

*«Мы до сих пор пытаемся **дойти** тех, кто и так **лежит**»* (Черномырдин, 2019, с. 7). На данном примере можно увидеть игровое несоблюдение логических принципов в речи. Общепринятым является факт, что «сравнение или противопоставление должно происходить по одному (единому) основанию — или по цвету, или по форме, или по возрасту и т. д.» [Норман, 2006, с. 153]. В. Черномырдин противопоставил совершенно разные, несвязанные между собой виды действий, чем его высказывание и вызывает комический эффект.

Стоит обратить внимание и на случай, когда политиком обыгрывалось значение «родного» и иноязычного слова:

*«Когда мы подъезжали к этому зданию, я обратил внимание на одну из вывесок на улице, прочитал ее и сказал Александру Квасъневскому: «У вас в Познани, как у нас в Петербурге, есть **Дворцовый мост**». Он говорит: «Да, только*

---

⁹ Путин на линии - 2006. Стенограмма ответов президента РФ на вопросы граждан [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2006/10/25/putin/>

в польском языке это слово означает не дворец, а вокзал». *«Какие поляки богатые, то, что у нас — дворец, в Польше — только вокзал», — заметил я¹⁰»* (Путин, 2002).

2.3. Языковая игра на фразеологическом уровне языка

Фразеологизмы, как показал анализ политического дискурса, являются одним из любимых «орудий» воздействия на адресата, поэтому в данном разделе предлагается внимательно рассмотреть именно их.

Фразеологизмы, как и другие выразительные средства, являются очень эффективным способом передать свои мысли, они способствуют созданию того или иного художественного образа, обрисовке речевого портрета личности, острой расцветки авторской речи [Шанский, 1957, с. 136].

Фразеологизм используется говорящим не всегда в чистом, исходном виде, а подвергается обыгрыванию или приспособлению к индивидуальному случаю его применения. Как уже было замечено в теоретической главе, это связано с его производным, вторичным характером — значение фраземы невыводимо из значения составляющих его единиц, однако первичное, несвязанное значение остаётся во фразеологизме и может возобновиться говорящим для комического эффекта [Санников, 2002, с. 297].

Исходя из анализа научной литературы, можно сделать вывод, что фразеологические единицы (далее — ФЕ) моделируются по нескольким принципам. Один из них основан на **замене компонента в узуальном (общепринятом) фразеологизме**. Данный метод способен повысить экспрессивность текста благодаря добавлению окказионального компонента в структуру узуального фразеологизма [Dobrova, 2018, с. 124]:

«Я должен туда (к избирателю — прим. авт.) приезжать и, глядя в глаза, говорить: «Я обещаю делать это», а потом я приезжаю и говорю: «Я это сделал. Если не сделал, метите меня поганой метлой!»¹¹» (Сулакшин, 1997). С. Сулакшин усилил экспрессивность своей речи, используя фразеологизм «гнать поганой метлой» и заменив глагол «гнать» на ещё более пренебрежительное по отношению

---

¹⁰ Выступление на втором экономическом форуме Польша-Россия [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21475>

¹¹ Один на один 1997 (20.04.1997) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=33eFBrkb9dk>

к нему, даже овеществляющее его «мести», а также усилив семантику данного выражения. Нельзя не заметить, что политик также допустил нарушение семантического согласования слов в предложении. Ср. также и другие случаи людических замен компонентов фразеологизмов:

«Как кто-то сказал, аппетит приходит во время беды» (Черномырдин, 2019, с. 6);

«Мы выполнили все пункты: от А до Б» (Черномырдин, 2019, с. 7).

Для создания языковой игры используются и другие способы фразеологических трансформаций. Стоит указать, что во многих нижеприведённых примерах очень важен аспект **двойной актуализации**¹² — приёма *дефразеологизации*, когда в одном контексте реализуются фразеологическое значение и исходные словарные компоненты словосочетания-прототипа. Семантико-стилистическая функция данного приёма заключается в создании юмористического, комического, иронического, сатирического, в зависимости от контекста, и игрового эффектов [Витковская, 2009, с. 17]. Данный приём связан и с *буквализацией*, суть которой заключается в *двойном восприятии текста* [Гукасова, 2016, с. 44]. Для создания эффекта двуплановости фразеологизма в контекст необходимо ввести фразеологические актуализаторы. Ими могут считаться «слова, актуализирующие деривационные связи компонентов фразеологической единицы с прототипами-лексемами; при этом подбираются слова, способные обыграть элементы образной основы ФЕ [фразеологической единицы — прим. авт.]: называющие конкретные свойства, качества, действия лиц, предметов — участников сценического действия, картин, фрагментов образной ситуации», а также «слова, актуализирующие фразеологически связанное значение компонентов ФЕ, то есть собственно фразеологическое значение сочетания слов (или предложения); при этом подбираются слова, эксплицирующие в контексте элементы значения фразеологизма или компонентов фразеологизма, символизирующих что-либо в метафизическом ключе» [цит. по: Доброва, 2019, с. 91-92]:

«И, как всякая война, война холодная оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные

---

¹² Данный приём актуален не только для фразеологии, но и для других видов языковой игры, которые будут описаны в других разделах.

*стандарты, иные шаблоны блокового мышления*¹³» (Путин, 2007). На примере данной цитаты видно, что фразеологизм актуализируется и развёртывается за счёт контекста (оказионального распространителя), который призван быть его стилистическим актуализатором [Гукасова, 2016, с. 44]. Фразеологизмом является словосочетание «холодная война», его актуализатором является словосочетание «неразорвавшиеся снаряды». Как актуализатор оно способствует не только созданию экспрессивности в тексте, но и его когезии (связности), а также способствует более полному пониманию авторского смысла [Доброва, 2019, с. 93–94].

В политическом дискурсе встречается такой вид моделирования ФЕ как **расширение числа компонентов**, когда в узуальную структуру ФЕ добавляются дополнительные слова или фразы. Данный метод так же позволяет *приспособить* фразу к описываемой ситуации, а также сделать выражение более экспрессивным с помощью экспликации (объяснения) частиц образа, составляющих основу ФЕ [Dobrova, 2018, с. 125]:

*«Ещё совсем недавно наша страна в полной мере сидела на игле иностранных препаратов*¹⁴» (Медведев, 2016). Д. А. Медведев обыграл фразеологизм «сидеть на игле», означающий «принимать наркотики», дополнив его необходимыми компонентами-уточнениями.

Встречаются и случаи **буквализации фразеологизмов**. Буквализация ФЕ основана на обыгрывании буквального и переносного значения словосочетания, причём буквальное значение в нём **доминирует** [Доброва, 2019, с. 94]:

*«Дальше все делается в режиме русской традиции. А именно: решили построить потемкинскую деревню. Выбрали в качестве деревни Сколково*¹⁵» (Немцов, 2010). В данной цитате словом-буквализатором выступил инновационный центр «Сколково».

Цитаты ниже являются примерами не только буквализации фразеологизма, но и успешного применения двойной актуализации, поскольку политик ловко совместил сам фразеологизм и его актуализатор:

---

¹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

¹⁴ Интервью Дмитрия Медведева пяти телеканалам – 2016 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wIOcHgeFmio>

¹⁵ Немцов. Модернизация по-путински. Задачи оппозиции [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nemtsov-most.org/2019/12/07/nemtsov-putins-modernization-tasks-of-the-opposition/>

«Я вот когда [на такое — прим. авт.] смотрю, у меня просто волосы, оставшиеся на голове, дыбом встают... Что это такое? Совсем с ума сошли, что ли?!¹⁶» (Путин, 2016).

«Есть ещё время сохранить лицо. Потом придется сохранять другие части тела» (Черномырдин, 2019, с. 8).

«Россия не хлопает дверью, а пока оставляет её открытой¹⁷» (Миронов, 2019).

В вышеуказанных примерах выделенные актуализаторы обыгрывают буквальное значение фразеологизма, и «создают яркий и насыщенный образ, увеличивают экспрессивность высказывания, добавляют иронию в контекст, создавая более «живую» картину происходящего» [Доброва, 2019, с. 94].

Следует указать и довольно комичный пример обыгрывания самого значения фразеологизма:

«Я, кстати, готов отстаивать точку зрения о том, что неправильно считают ту профессию, которая была древнейшей (проституция — прим. «Ленты.ру»), потому что древнейшая профессия все-таки дипломатия. Поскольку сначала нужно договориться¹⁸» (Лавров, 2017).

Стоит вспомнить одно из свойств языковой игры, указанное в теоретической части — её всегда можно изъять из предложения, предпочесть ей официальный стиль речи, но почему политик этого не делает? Причина кроется в заботе о своём имидже: *«Говорящий претендует на некоторую речевую оригинальность, рассчитывает на достижение дополнительного, как бы «сверхкоммуникативного» эффекта»* [Норманн, 2006, с. 140]. Исходя из приведённых утверждений, можно сделать вывод, что фразеологизмы, помимо своей смысловой наполненности, являются эффективным и умышленным коммуникативным ходом и прагматическим средством в речи политика.

Фразеологизмы и прецедентные тексты похожи по своей природе — и первые, и вторые несут в себе невыводимое значение и легко трансформируются

---

¹⁶ Путин зачитал постановление суда, от которого "волосы дыбом встают" [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20161208/1483156347.html>

¹⁷ Сергей Миронов о приостановлении участия в ДРСМД: Россия не хлопает дверью, а пока оставляет её открытой [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spravedlivo.ru/9627410>

¹⁸ Лавров пошутил о древнейшей профессии [электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2017/06/06/lavrov_joke/

как структурно, так и содержательно. Примером обыгрывания прецедентного текста является следующая цитата:

«Раньше в России было два вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». А сейчас вопрос изменился: «Что делать тем, кто виноват»¹⁹» (Явлинский, 2011).

В политическом дискурсе обыгрываются и строки из зарубежных песен:

*«Президент сказал, что такого рода расследования не могут быть шоу. Это абсолютно справедливые слова. Продолжая то, что сказано президентом, я хочу сказать, что такие шоу просто не должны продолжаться. **Show must not go on**²⁰!» (Медведев, 2016).*

Встречаются в политическом дискурсе и **прецедентные имена** — имена известных политиков, военачальников, учёных, писателей, героев литературных произведений и т. д., служащих в тексте знаком определённых качеств, символизирующих различные прецедентные феномены или ситуации [Чудинов, 2006, с. 115]:

«Ни Грефы, ни Кудрины здесь не замечены»²¹» (Лужков, 2001).

Цитация в любом виде является эффективным способом оживить речь и сделать её менее тривиальной, но только при условии общности апперцепционной базы и культурного опыта говорящих [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 204]. При отсутствии соответствующих фоновых знаний у адресата художественный эффект будет значительно ослаблен [Санников, 2002, с. 476]. В особенности данный фактор влияет на случаи цитирования художественной литературы.

Интертекстуальность наделяет текст новой интерпретацией и его границы сдвигаются до невербальных структур и на культурный уровень — *«Obecně můžeme hovořit o nové interpretace textu, jehož hranice se posouvají do neverbálních struktur a na kulturní úroveň»* [Arkhangelská, 2018, с. 6]. Как приём цитации влияет на имидж политика? Он чётко формирует его, проявляя индивидуальные вкусы и пристрастия говорящих [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 206], что делает речь политика запоминающейся и узнаваемой.

---

¹⁹ Явлинский. Ответы. Прохоров, Каддафи и Михалков [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=r_bYoOcdW6A

²⁰ Интервью Дмитрия Медведева пяти телеканалам – 2016 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wIOcHgeFmio>

²¹ Юрий Лужков отругал “Грефов” и “Кудриных” [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inlnk.ru/AK1vYE>

2.4. Языковая игра на синтаксическом уровне языка

На синтаксическом уровне значения передаются с помощью служебных слов, конструкций, порядка слов, интонаций. В плане обыгрывания своих элементов синтаксис неоднороден — в рамках данного уровня существуют как популярные средства создания комического эффекта (сравнение, неоднородность сочинённого ряда), так и реже обыгрываемые средства в силу своей структурной важности [Санников, 2002, с. 95].

Достаточно частотна **синтаксическая компрессия**, относящаяся к данному уровню языка. Согласно В. З. Санникову, она заключается в *опущении подразумеваемого члена предложения* [Санников, 2002, с. 111]. Данное определение очень похоже на толкование такого выразительного средства как **эллипсис**, суть которого заключается в пропуске в речи какого-либо **подразумеваемого** слова [Ожегов, 2011, с. 2272]. Эллиптические предложения широко используются в ораторской речи, художественной литературе как стилистическое средство, придающее тексту динамичность, большую выразительность, экспрессивность, но их употребление стилистически ограничено. Отсутствие определённого члена предложения обусловлено свойственной разговорной речи ситуативностью, наличием таких невербальных средств общения, как жесты, мимика, различные предметы и др. [Тутаришева, Тутаришева, 2014, с. 40]:

«Эти там, те тут, а тех до сих пор никто ни разу...» (Черномырдин, 2019, с. 9).

Эллипсис проявляется не только в своей привычной форме (в словах), но и в упущении предлогов. Это разновидность “игрового” эллипсиса, когда предлог, как и другие служебные слова типа союза, частицы и т. д., употребляется сам по себе, без полнозначного слова, которое он должен “сопровождать” [Норман, 2006, с. 146]:

«С судьи не спрашивают — сейчас спрашивают со следователей. Судья находится «над»²²» (Медведев, 2012). Д. Медведев умышленно не назвал слово после предлога. Данный приём оказывает воздействие на слушателя, который легко восстанавливает в уме недостающие члены высказывания, чувствует себя

---

²² Интервью российским телеканалам [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15149>

польщённым доверием говорящего и становится в какой-то мере соавтором игры [Норман, 2006, с. 148].

Проанализировав некоторые случаи использования эллипсиса, можно сделать вывод, что данная стилистическая фигура способна «оживить» речь политика, облегчить процесс восприятия информации и даже косвенно задействовать слушающего в речи, заставляя воспроизводить его дополнительные части предложения в своём сознании.

В политическом дискурсе был замечен случай незуального использования глагола:

*«Медведев принял абсолютно абсурдное решение по тому, чтобы я перестал быть мэром, до сих пор практически никто не понимает, почему и за что Медведев меня **отрешил** — представляете, слово какое? **«Отрешил»!**²³»* (Лужков, 2013).

Помимо того, что возвратный глагол «отрешиться» выделяется в тексте за счёт своего высокого стиля, он использован в своей незуальной форме благодаря **упущению** возвратного постфикса *-ся* от своей основы, т. е. непереходный глагол использован в каузативном (переходном) значении [Норман, 2006, с. 162], создавая экспрессивный и игровой эффект в речи политика. Данный пример, безусловно, содержит также и морфологический аспект из-за вышеописанной игры с постфиксом, однако языковая игра в нём поспособствовала появлению целого **текста**, так что его нахождение в разделе о синтаксическом уровне языка можно считать уместным.

Сравнительные конструкции в языковой игре используются очень часто, сообщает В. З. Санников. Под сравнительными конструкциями имеются в виду не обыденные, а неожиданные и смелые сравнения [Санников, 2002, с. 120]. Ниже представлен пример, когда политик не просто подобрал, а *создал* неожиданное сравнение, которое позже стало популярным выражением:

«Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил²⁴» (Путин, 2008). Данное высказывание является настолько удачным и звучным, что катализировало происхождение новых шуток

---

²³ Лужков: грязь от комбайна чище политики [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=U5NkS00wFFM>

²⁴ Путин: все эти годы я пахал, как раб на галерах [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20080214/99185527.html>

среди аудитории, одной из которых стало выражение «как краб на галерах»: «В конце второго президентского срока В.В. Путин сказал, что во время своего президентства он «пахал как раб на галерах», однако молодое поколение пользователей Интернета не опознало идиому, вследствие чего из двух соседствующих лексем *как раб* и получился *краб*» [Рогозина, 2011, с. 46]. Приведённый случай, как и цитаты из других разделов, является примером того, как политики сами являются авторами новых неожиданных словосочетаний, обогащающих язык.

В. Санников замечает, что в поэтической речи отслеживаются поистине шокирующие сравнения “высокого” с “низким” [Санников, 2002, с. 123]. Данную тенденцию можно заметить и в политическом дискурсе:

«Вся эта конференция на фоне заключенного в Лондоне Дж. Ассанжа напоминает симпозиум котов по защите прав мышей²⁵» (Захарова, 2019).

В политическом дискурсе встречаются и менее типичные, *неузуальные* *оказиональные* яркие сравнения:

«Банк, как официант: официант подаёт кофе, мы подаём деньги²⁶» (Ходорковский, 1993);

«Вы должны уходить (студенты с лекций — прим. Авт.) возбуждённые. Чтобы каждая лекция, как сто грамм водки, вторая лекция — наркотик, третья лекция — бешеный автомобиль 160 километров в час. Четвёртая лекция — космический корабль, и вечером вы идёте к психиатру, нам это нужно!²⁷» (Жириновский, 1999).

Стоит обратить внимание на **метафору**, встречающуюся в политической речи, с лингвистической точки зрения и разобрать её функциональные аспекты.

Для начала стоит отметить, что *«всякая метафора основана на бросившемся в глаза сходстве двух предметов, явлений, качеств, действия и пр.»* [Шалыгин, 1909, с. 46].

В политической речи часто встречается **субстантивная метафора**, служащая средством **образной или образно-оценочной характеристики лица**

---

²⁵ Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 17 июля 2019 года [электронный ресурс]. Режим доступа: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1466061/

²⁶ Момент истины РТР. Май, 1993. Михаил Ходорковский [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=d5NlicRPkGg&t=1s>

²⁷ Владимир Жириновский - Лекция на открытии Института Мировых Цивилизаций (1999 г.) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=M5ghKoXc9Yo>

[Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 197]. Для метафоры тоже важен аспект двойной актуализации и буквализации. Ярким примером совмещения данных приёмов является следующая цитата:

*«Надо опять же думать об интересах россиян. Надо скорее их накормить, оздоровить экономику, полки магазинов пустыми не должны быть, иначе мы вызовем страшный кризис, гражданскую войну, хаос, взрыв, **Чернобыль политический**, это будет страшно²⁸»* (Жириновский, 1992);

*«Мне уже неоднократно приходилось говорить о том, что мы **засиделись в «предбаннике» ВТО²⁹**»* (Медведев, 2009). Глагол-буквализатор «засидеться» придаёт высказыванию новое, актуализированное значение. Одно из значений слова «предбанник» — это *небольшое помещение, через которое входят, проходят куда-нибудь* [Ожегов, 2011]. с. 1438]. С помощью данного слова, с помощью двойной актуализации Дмитрий Медведев особенно ярко обозначил, что Россия уже слишком долго находится в состоянии неопределённости в плане присоединения ко Всемирной торговой организации.

В политическом дискурсе замечены и менее типичные примеры субстантивной метафоры. Их особенность заключается в том, что часто они хранят в себе не всегда прямолинейную цепь ассоциаций [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с. 198]: *«Многие почему-то считают, что выходом из этого бесправия, несправедливости и вранья может стать укрепление коммунистов в компании с мечтающим объединиться с ними Мироновым, наивно полагая, что этот **красный кисель** гораздо лучше Единой России³⁰»* (Явлинский, 2011).

Как стало ясно из анализа выступлений политиков, метафора в разговорной речи политика может быть такой же яркой за счёт своей краткости, «молниеносности»: «Метафора бывает тем удачнее, чем сильнее и непосредственнее поразило нас сходство, т. е. когда мы **не отыскивали метафору**, а она сама «напросилась» нашему вниманию» [Шалыгин, 1909, с. 47].

Стоит рассмотреть один достаточно комичный пример нечасто обыгрываемой **комитативной конструкции**. Игра в данном случае строится на

---

²⁸ Владимир Жириновский (1992) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-24048/>

²⁹ Ответы на вопросы российских журналистов [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/6143

³⁰ Манифест Явлинского. Часть III. Будущее! [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=P3t_ACNHGG0

недопустимости комитативной конструкции объектов, если они отличаются по своему статусу или по роли в описываемой ситуации [Санников, 2002, с. 100]:

«Мы будем уничтожать наше ядерное оружие вместе с Америкой» (Черномырдин, 2019, с. 7).

В речи политиков можно заметить и **синекдоху**, которая, несмотря на меньшую частотность в политическом дискурсе, так же способствует украшению речи и формирует имидж политика. Синекдоха бывает полезна в речи, поскольку иногда лишь одна часть предмета бросается в глаза и особенно запоминается, и именно в данном случае использование синекдохи является естественным [Шалыгин, 1909, с. 41]:

«Большинство российского населения на инстинкте голосует за брюки³¹» (Хакамада, 2007). Ирина Хакамада указала на **часть** — традиционный предмет мужской одежды, тем самым выразив своё мнение о том, что общество всё ещё патриархально.

Разбирая языковую игру на синтаксическом уровне языка, нельзя не упомянуть случаи неузвального использования некоторых языковых единиц, когда в качестве номинаций используются группы, имеющие обычно предикативное или автономное употребление [Санников, 2002, с. 96]. Например, ниже приведён пример необычного употребления предикативной языковой единицы:

«Здесь вам не тут» (Черномырдин, 2019, с. 6). Обстоятельство «тут» изначально не может использоваться как номинация, однако Черномырдиным была допущена данная ошибка, довольно комично звучащая вкуче с синонимичным обстоятельством «здесь».

Далее указан пример неузвального использования **наречия**:

*«Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нельзя, извините за выражение, все время **враспыху**»* (Черномырдин, 2019, с. 8). Более нейтральным и синтаксически правильным было бы употребить похожий по смыслу глагол, и наречие, выполняющее в данном случае роль сказуемого, создаёт комический эффект.

В политической речи также был замечен пример обыгрывания вопросительного местоимения:

---

³¹ Хакамада: народ голосует за брюки [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://74.ru/text/politics/2007/06/25/58325181/>

«Надо же думать, что понимать» (Черномырдин, 2019, с. 6).

Языковая игра на синтаксическом уровне языка разворачивается в рамках целого предложения. Это способствует созданию множества разнообразных языковых шуток. Примером является приём ложной связи между событиями внутри предложения: говорящий обыгрывает возможность установления ложной связи между двумя событиями, которые в действительности независимы, и вторую часть предложения можно воспринимать как связанную с первой, так и как независимую [Санников, 2002, с. 97–98]:

*«Я же вижу **по** глазам: вас же **тошнит**»* (Черномырдин, 2019, с. 6).

Встречается и **обыгрывание использования в предложении наречий**:

*«**Лучше** водки **хуже** нет»* (Черномырдин, 2019, 6).

Хотелось бы привести и примеры **каламбуров**, функционирующих в рамках синтаксической языковой игры. В предыдущих разделах чаще всего рассматривались каламбуры, основанные на многозначности слов. В синтаксической же языковой игре они развёртываются, вследствие чего образуются целые предложения или тексты, объединённые одним шуточным контекстом. Данные шутки имеют следующую особенность: синтаксические связи между частями сохраняются, но общий смысл меняется, иногда вплоть до противоположного. Чаще всего обыгрываются причинно-следственные отношения, а иногда они приобретают и абсурдный характер. Синтаксическое равенство элементов приводит к их смысловому уравниванию, к некоторой дискредитации описываемого лица [Санников, 2002, с. 504–505]:

*«Мы очень богатая страна. **Просто у нас есть мозги, и есть природные ресурсы. Они находятся в разных местах. Надо всё это вместе соединить, и тогда у нас будет и инновационная экономика, и модернизация**³²»* (Прохоров, 2012);

*«**На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться**»* (Черномырдин, 2019, с. 6);

*«**Вообще-то успехов немного, но главное: есть правительство**»;* (Черномырдин, 2019, с. 7);

---

³² Интервью Михаила Прохорова. Эфир 19.02.2012 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=l5huyJVilVo>

«Люди, которые любят выпить, у нас говорят так, что всю водку выпить невозможно, но стремиться к этому надо»³³ (Путин, отвечая на вопрос «Когда всё будет хорошо?», 2013);

«Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу» (Черномырдин, 2019, с. 6);

«Мы сегодня на таком этапе экономических реформ, что их не очень видно» (Черномырдин, 2019, с. 7).

К развёртыванию каламбура внутри текста можно отнести и следующее высказывание:

«Когда именно меня обвиняют в том, что сбережения «пропали», мне вспоминается популярный анекдот времен застоя. Известный деятель, спалив в топке паровоза и уголь, и дрова, и даже мебель из вагонов, предлагает задернуть занавески и говорить «чух-чух», представляя себе, что поезд продолжает двигаться. Это и происходило. Мы лишь открыли занавески...» (Гайдар, 1995, с. 22).

Стоит отметить главное свойство **любого** каламбура, в том числе и проявляющегося на синтаксическом уровне языка — он содержит в себе добавочный метаязыковой смысл [Санников, 2002, с. 499]. Он (каламбур) обладает богатством значений и результат каламбурного обыгрывания слов непредсказуем [Там же, с. 503], что говорит о его склонности к синкретичности, т. е. объединению изначально несовместимых вещей.

---

³³ Прямая линия с Владимиром Путиным [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная бакалаврская работа, цель которой заключалась в выявлении и анализе способов создания языковой игры в процессе политической коммуникации, была разделена на теоретическую и практическую части, которые в свою очередь были разделены на соответствующие подглавы. В теоретической части работы была описана политическая лингвистика как направление языкознания, было приведено её определение и основные понятия. В главе также рассматриваются функции, цели и способы изучения языковой игры. Также была описана и языковая игра как явление, были выявлены её основные свойства, функции, цели и способы её создания в речи и тексте.

Практическая часть работы посвящена анализу проявления языковой игры в политическом дискурсе, видам языковой игры, встречающимся в нём, и тому, с помощью каких языковых средств российские политики добиваются комического эффекта в своей речи. Были отобраны цитаты российских политиков 1991–2020 гг., содержащие различные механизмы создания языковой игры. Конкретные точки проявления языковой игры отмечены жирным шрифтом в примерах-высказываниях.

В работе предпринимается попытка отразить многогранность и полисемичность языковой игры, проявляющуюся на различных уровнях языка. В достижении комического эффекта говорящий может обыгрывать как значения лексем, так и традиционные значения префиксов, суффиксов и других соответствующих языковым уровням средств, т. е. каждый языковой уровень обладает достаточным потенциалом для языковой игры. Также в процессе исследования выяснилось, что говорящий не ограничивается лишь рамками одного слова, а волен развивать игровой элемент в речи, развёртывая его в целом предложении или даже тексте.

Настоящая работа демонстрирует, что в наши дни языковая игра может быть уместна и играет не последнюю роль при осуществлении политической коммуникации, несмотря на традиционное представление о ней как о явлении, допустимом только в неофициальной речи. Она способствует формированию имиджа политика, делает его речь запоминающейся, нетривиальной и яркой благодаря комическому эффекту, на создание которого она направлена.

RESUMÉ

Tato bakalářská práce se věnuje analýze jazykové hry v řeči současných ruských politiků. Jejím hlavním cílem je zjistit vliv jazykové hry na posluchače v rámci politické komunikace.

Bakalářská práce je rozdělena na teoretickou a praktickou část. Teoretická kapitola představuje různé názory badatelů na cíle politické komunikace, jako je vyvolání reakce u adresáta, efektivní komunikace a volba vhodné taktiky k ovlivňování a regulaci jednání posluchače. Výzkumníci se shodují v tom, že účelem politické komunikace je účinně ovlivnit činnost člověka nebo skupiny lidí prostřednictvím řeči.

Praktická část je věnována výzkumu konkrétních příkladů jazykové hry v projevech současných ruských politiků mezi roky 1991-2020.

Teoretická část se věnuje základům teorie politické lingvistiky a jazykové hry. Podkapitola o politické lingvistice obsahuje základní informace o ní jako o směru lingvistiky. Z této části vyplývá, že politická lingvistika je humanitní věda, která se zabývá výzkumem využívání jazykových prostředků jako nástrojů manipulace s veřejným vědomím. Předmětem jejího výzkumu je politická komunikace jako řečová činnost, která je zaměřená na propagandu určitých cílů; emocionální působení na občany slouží k realizaci politických akcí v podmínkách mnohostrannosti názorů ve společnosti.

Důležitým pojmem pro politickou komunikaci je také politický diskurz. Jedná se o text nebo skupinu textů prezentovaných v ústní nebo písemné podobě, jejichž složky jsou spojeny svým sémantickým (politickým) zaměřením a jejichž cílem je interakce s posluchačem. Demonstruje tak svět politiky, odráží slova, výrazy a metafory související s touto tematickou oblastí. Teoretická část rovněž popisuje funkce a cíle politické komunikace. Podle výzkumu funkce jazyka, které identifikoval R. Jakobson, jsou stejně důležité i pro politickou lingvistiku. Takto definované funkce jsou: 1) kognitivní, způsobující vytvoření potřebného obrazu světa u posluchače; 2) komunikativní, která je zaměřená na předávání informací; 3) povzbuzující (motivační), zaměřená na působení na adresáta; 4) emotivní, zaměřená na ovlivňování emocí; 5) metajazyková, vysvětlující význam slov nebo frází 6) fatická, zaměřená na navázání a udržení kontaktu s posluchačem; 7) estetická, orientovaná na formu sdělení.

Vědci rozlišují sedm hlavních aspektů výzkumu politické komunikace: 1) výzkum jazykových, textových nebo diskurzivních jevů; 2) výzkum moderního politického jazyka — historické studium politického jazyka; 3) výzkum obecných tendencí politické komunikace — výzkum idiostylu různých politických lídrů,

politických směrů a stran; 4) výzkum institucionálních, mediálních a jiných typů politického diskurzu; 5) srovnávací a nesrovnávací výzkum; 6) politologická a sociologická analýza; 7) výzkum politické komunikace jako funkce politického diskurzu. V závislosti na zadaných úkolech a dostupném textovém materiálu se odborníci zaměřují na nejvhodnější aspekty výzkumu politické komunikace.

V teoretické části práce byla také analyzována jazyková hra jako fenomén. Samotný pojem «jazyková hra» patří L. Wittgensteinovi, který se domníval, že realita vnímaná prostřednictvím jazyka je souborem jazykových her. Při pokusu o definici jazykové hry se badatelé shodují, že jde o záměrné vybočení z jazykové normy a vědomou manipulaci s výrazovými (expresivními) prostředky řeči, jejímž cílem je vyvolat komický efekt.

Autorka práce uvádí, že hlavní hodnota jazykové hry spočívá ve vytváření dalších okazionálních (nekonvenčních) významů, které se zaměřují na jazykovou expresivitu a vytváření komického efektu. Podkapitola uvádí následující vlastnosti jazykové hry: 1) její působení je okazionální (jednotlivé); 2) jazyková hra má v textu sémantickou a gramatickou úplnost (tj. její extrakce nezmění význam textu); 3) konvenčnost (tj. jazyková hra je parodickou interpretací kanonického užití jazyka); 4) sekundárnost (složky hry jsou vždy odvozené); 5) asociativnost (složka hry kombinuje několik významů); 6) substituovatelnost (schopnost nahradit důležitou informaci); 7) akcentovanost (schopnost upoutat pozornost posluchačů); 8) relativnost (relevance); 9) individuálnost (existence stopy identity autora ve složce hry); 10) nelogičnost a sémantická vyprázdňenost. V bakalářské práci jsou popsány následující funkce jazykové hry: 1) funkce snižování důležitosti; 2) jazykotvorná funkce; 3) funkce zábavná a sebepotvrzovací; 4) funkce maskovací; 5) funkce hry 6) funkce pochvalná a diskreditační. Hovoříme-li o účelu jazykové hry, můžeme říct, že v závislosti na kontextu může sledovat různé cíle - např. vstoupit do dialogu nebo jej ukončit, ale jejím hlavním účelem je pobavit posluchače, vytvořit komický efekt a usnadnit vnímání textu.

Různí badatelé klasifikují způsoby vytváření jazykové hry jinak: někteří z nich dělí jazykovou hru na základě žertovnosti a vtipnosti (ostré řeči) (tj. žertovnost je zaměřena na hru s formou nebo výslovností slova, zatímco ostrá řeč je založena na stylovém kontrastu nebo slovtvorní hře). Jiní dělí druhy jazykové hry na existující a produkované jazykové prvky (příklad existující techniky je technika stylového kontrastu a příkladem produkované techniky jsou různé fonetické deformace, rýmování atd.), nebo na techniky jazykových rovin, tj. předpokládá se, že k vytvoření jazykové hry se používají

prostředky té či oné jazykové roviny. V podkapitole se také uvádí, že mezi typy jazykové hry patří slovní hříčky (kalambúry), založené ve většině případů na vícevýznamovosti slov, frazeologizmech a jejich transformace, a také intertextualita, která spočívá v citování jiných textů.

V podkapitole se tvrdí, že vzhledem k tomu, že současný ruský politický diskurz nevyžaduje dodržování dřívějších přísných jazykových rámců, může být využití jazykových her v něm pro politika užitečné. Jednak se stává jeho řeč pomocí jazykových prostředků jasnější a zapamatovatelnější, jednak přispívá k utváření image politika, což je pro něj jako pro veřejnou osobu rovněž důležité.

Práce také popisuje problematiku fungování jazykové hry. Například jazyková hra může být často nevhodná kvůli regulovanému řečovému chování mluvčího. Dalším problémem je otázka překladu jazykové hry, neboť úkolem překladatelů je v tomto případě adekvátně zprostředkovat obraz světa jednotlivce-autora. Třetím problémem je zneužití jazykové hry mluvčím. Čtvrtý problém může nastat v případě nadměrného používání žargonismů a jejich odvozenin s cílem přiblížit se posluchači, což může mít negativní dopad na obraz politika.

Praktická část práce je věnována analýze projevů jazykových her v řeči současných ruských politiků. Autorka analyzovala 324 příkladů jazykových her v řeči současných ruských politiků v letech 1991-2020. Materiál byl vybrán pomocí metodiky průběžného vzorkování a obsahové analýzy z oficiálních webových stránek politiků a politických stran, videohostingu YouTube, osobních stránek politiků na sociálních sítích apod. Autorka navrhla typy jazykových her na morfologické, slovotvorné, lexikální, frazeologické a syntaktické úrovni jazyka. Příklady jazykové hry na fonetické a grafické úrovni nejsou uvedeny, protože jazyková hra na této úrovni je relevantní spíše pro jiné sféry — například pro marketing, kde je reklama prezentována v grafické a zvukové podobě.

Podkapitoly praktické části bakalářské práce jsou věnovány výzkumu jazykové hry na těchto jednotlivých jazykových úrovních.

V části věnované jazykové hře na morfologické a slovotvorné úrovni je analyzován příklad morfologické jazykové hry, kdy je sloveso použito v neslovesném tvaru, tj. jako doplněk, který se ve větě nazývá kauzativní vztahy.

Dále je analyzována slovotvorná jazyková hra, pro kterou je důležitý pojem slovotvorného hnízda jako skupiny slov vázaných společným vztahem. Na této úrovni se jazyková hra uskutečňuje prostřednictvím hry s významem předpon, přípon a jejich

kombinací a také jsou uvedeny některé případy slovtvorných okazionalismů (jako například kontaminace). Jazyková hra na slovtvorné rovině jazyka jasně ukazuje hravou funkci jazykové hry.

Podle autorky práce, jazyková hra na lexikální úrovni jazyka je charakterizována hrou s dvojnásobnými slovy, které lze nazvat slovními hříčkami (kalambúry), hravým vytvářením kontextových antonym, porušováním sémantické a lexikální kombinovatelnosti (shody), jakož i hrou s významy cizích slov a slov ruského jazyka. Lexikální jazyková hra prokazuje velký potenciál pro tvorbu jazykové hry vzhledem k polysémní povaze mnoha slov ruského jazyka.

Podkapitola věnovaná frazeologické jazykové hře obsahuje informace o různých typech modelování ustálených slovních spojení, mezi něž patří nahrazení komponentu v obvyklém (běžném) frazému, rozšíření počtu komponentů frazému a jejich bukvalizace, a také obsahuje informace o dvojitě aktualizaci jako způsobu, jak dodat frazeologické jednotce dvouplánovost pomocí slov-aktualizátorů. Uvedené manipulace podle názoru autorky umožňují přizpůsobení frazému konkrétní situaci jeho užití a zvýšit jeho expresivitu a účinnost jeho působení na posluchače. Zvláštností hry s frazeologickými frázemi je, že má sekundární, odvozený charakter, její význam není odvoditelný z významu jejích složek, ale primární, nesouvisející význam zůstává ve frazeologické frázi a může být mluvčím pro komický efekt obnoven.

Podkapitola také obsahuje informace o používání precedentních textů. Podle autorky bakalářské práce se v politickém diskurzu vyskytují případy pohrávání si se známými frázemi, verši z písní, a s precedentními jmény, která nesou rysy určitých osobností. Jazyková hra tohoto typu propůjčuje textu novou interpretaci, posouvá ho na kulturní úroveň a také ukazuje vkus mluvčího. Při hře s precedentními texty je třeba pamatovat, že efekt tohoto typu jazykové hry je možný za přítomnosti společných znalostí mluvčího a posluchače, jinak bude výrazně oslaben.

Podkapitola o syntaktické úrovni jazyka obsahuje informace o jazykové hře, která funguje a rozvíjí se v rámci celé věty nebo textu. K takovým typům jazykové hry autorka řadí například elipsu. Podle výzkumu, elipsa zahrnuje nejen vynechání slov z věty, ale také hravé vynechání podstatného jména po předložkách. Patří do této podkapitoly také komické srovnávací konstrukce v rámci věty, metafora, pro kterou je také důležitý aspekt dvojitě aktualizace, synekdocha, neslovesné užití různých částí řeči (např. příslovci), metoda nepravého spojení dějů v rámci věty a také slovní hříčky rozvíjející se v rámci celé věty nebo textu. Během vytvoření takového typu jazykové hry jsou syntaktické

vazby mezi částmi věty zachovány, ale celkový význam může být změněn, někdy až na význam opačný. Nejčastěji se rozehrávají příčinné vztahy, které někdy nabývají absurdního charakteru. Pro syntaktickou jazykovou hru je důležité, že spouští proces vytváření celých vět nebo textů sjednocených jedním humorným, vícevýznamovým kontextem.

Autorka dochází k závěru, že jazyková hra v politickém diskurzu je v dnešní době nejen vhodným ale i žádoucím způsobem, jak učinit svůj projev živějším, expresivnějším a zapamatovatelnějším. Pro současného ruského politika je relevantní vytvářet jazykovou hru téměř na všech jazykových rovinách. Jazyková hra demonstruje flexibilitu jazyka, jeho tvůrčí a hravý potenciál, který může prokázat jazykové znalosti politika a jeho schopnosti jazykové tvorby. Pro dosažení komického efektu si mluvčí může hrát jak s významy lexémů, tak s tradičními významy předpon, přípon a dalších prostředků odpovídajících jazykovým úrovním, tj. každá jazyková úroveň má dostatečný potenciál pro jazykovou hru.

Использованная литература

Arkhangelská A. (2018). *Intertextualita v prostoru slovanských jazyků a kultur*. Olomouc: Univerzita Palackého.

Dobrova M. (2018). Frazeologické modelování a intertextualita ve formování textového prostředí ruského internetového diskurzu. *Intertextualita v prostoru slovanských jazyků a kultur*. S. 117-146.

Алексеев А. Б. (2018). Языковая игра в политическом дискурсе. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 57–62.

Будаев Э. В. (2020). *Введение в политическую лингвистику*. Санкт-Петербург.

Будаев Э. В., Ворошилова М. Б. (2011). *Современная политическая лингвистика: учебное пособие*. Екатеринбург.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. (2006). *Современная политическая лингвистика*. Екатеринбург.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. (2009). *Политическая советология*. Екатеринбург.

Быков И. А. (2013). *Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования*. Санкт-Петербург.

Витгейнштейн Л. (2010). *Культура и ценность. О достоверности*. Москва.

Витковская Е. О. (2009). Двойная актуализация фразеологизмов в аспекте перевода. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. С. 17–20.

Гайдар Е. Т. (1995). *Беседы с избирателями*. Москва.

Гукасова М. В. (2016). Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц и их влияние на модальность текста. *Вестник Челябинского государственного университета*. С. 38–46.

Данилевская Н. Л. (2006). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Ответственный редактор М. Н. Кожина. Москва, 2006.

Демьянова А. А. (2019). Прецедентные феномены в политическом дискурсе. *Актуальные вопросы филологической науки XXI века. — Ч. 1: Современные лингвистические исследования*. С. 110–116.

Доброва М. С. (2019). *Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект*. Оломоуц.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. (1983). *Русская разговорная речь*. Москва.

Иссерс О. С. (2008). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва.

Иссерс О. С. (2009). *Речевое воздействие: учебное пособие*. Москва.

Коновалова О. Ю. (2008). *Языковая игра в современной русской речи*. Владивосток.

Кузьмина С. В. (2011). Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. С. 54–56.

Лепоевич Е. (2020). Деноминативные глаголы, мотивированные именами собственными. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. С. 79–89.

Маслова В. А. (2008). Политические игры или игры в слова? *Политическая лингвистика*. С. 43–47.

Мокиенко В. М. (2005). *Загадки русской фразеологии*. Санкт-Петербург.

Нестерова Н. Г., Фащанова С. В. (2021). *Морфемика и словообразование в свете активных процессов в современном русском языке*. Томск.

Никулина Д. Е. (2017). Политический дискурс как объект лингвистического исследования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. С. 147–149.

- Норман Б. Ю. (2006). *Игра на гранях языка*. Москва.
- Почепцов Г. Г. (2001). *Теория коммуникации*. Киев.
- Почепцов Г. Г. (2009). *Имиджелогия*. Москва.
- Рогозина И. В. (2011). Homo Politicus как объект изучения когнитивной медиалингвистики. *Филология и человек*. С. 37–47.
- Романова Т. В. (2009). Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика. *Политическая лингвистика*. С. 109–117.
- Руденко Е. С., Бачиева Р. И. (2020). Языковая игра как проблема перевода. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. С. 78–84.
- Рычева Е. (2019). *Фразеологизмы в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков в России и Чехии)*. Диссертация на соискание степени PhD. Прага: Карлов университет.
- Санников В. З. (2002). *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва.
- Спиридовский О. В. (2011). Фатическая составляющая политической коммуникации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. С. 116–121.
- Стернин И. А. (2001). *Введение в речевое воздействие*. Воронеж.
- Стибун В. В., Стрельникова А. А., Шурыгина Э. И. (2006). Политическая коммуникация. *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. С. 219–222.
- Суханов, Ю. Ю. (2018). Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. С. 200–212.
- Тутаришева М. К., Тутаришева М. К. (2014). Сущность, роль и функции эллипсиса в языке (на материале разноструктурных языков). *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. С. 38–43.

- Ушаков Д. Н. (2014). *Толковый словарь современного русского языка*. Москва.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2011). *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Федотов О. И. (2008). Интертекстуальность. *Знание. Понимание. Умение*. С. 244–245.
- Цикушева И. В. (2009). Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. С. 169–171.
- Четокин В. (2019). *Здесь вам не тут! Сборник высказываний В. Черномырдина*. Москва.
- Чудинов А. П. (2006). *Политическая лингвистика: учебное пособие*. Москва.
- Шалыгин А. (1909). *Теория словесности и хрестоматия*. Санкт-Петербург.
- Шанский Н. М. (1957). *Лексика и фразеология современного русского языка*. Москва.
- Шарков Ф. И., (2014). Политическое сознание — политическая практика — политическая коммуникация. *PolitBook*. С. 153–165.

Источники материала

- Видеохостинг «YouTube». URL: <https://www.youtube.com>
- Информационный порта «РИА Новости». URL: <https://ria.ru>
- Информационный портал «74.ru». URL: <https://74.ru>
- Информационный портал «LENTA.RU». URL: <https://lenta.ru>
- Информационный портал «Немцов мост». URL: <https://nemtsov-most.org>
- Информационный портал «РБК». URL: <https://www.rbc.ru>
- Киноархив «net-film». URL: <https://www.net-film.ru>
- Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://mid.ru/ru/>
- Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». URL: <https://spravedlivo.ru/main>

Официальный сайт Президента Российской Федерации «Президент России». URL:
<http://www.kremlin.ru>